

## Дунай (6)

А во стольнѣм во городи во Киеви  
А-й у ласкова князя у Владимера  
Заводилось пированьицо-бал-почесьѣн стол,  
А про тех же про князей, про бояров,  
А про рускиих могучиех богатырей,  
А про поленицей при(й)удалых,  
И про тех же казаков со тиха Дону,  
А про тех же калик перехожиех,  
Перехожиех калик, переброжиех,  
И про те[х] же кресьянушок прожитосьних.  
Ишша солнышко катицьсе ко западу,  
А ко западу катицьсе — ко закату;  
А и день-то идѣт, браццы, ко вечеру,  
А почесьѣн-от пир идѣт навесели.  
А и все на пиру приросхвастались:  
А иной-де хвастат красным золотом,  
А наезник-от хвастат добрым конѣм,  
А и сильней-от хвастат своей силою,  
А и глупой-от хвастат молодой женой,  
А неразумной-от хвастат родной сестрой,  
А кабы умной-от хвастат старой матерью.  
А Владимир-князь по грыдини похаживал,  
Он и белыма руками помахивал,  
Он собольей шубоцькой натряхивал,  
Он и русыма кудрями принатряхивал,  
Он злачѣныма перснями пошшѣлкивал,  
А он сам говорил таковы слова:  
«Уж вы ой еси, князи вы бояра,  
Уж вы руськие могучие богатыри,  
Ишше все же поленици при(й)удалыи,  
Ишше все вы казаки со тиха Дону,  
Ишше все-де калики перехожие,  
Перехожие калики, переброжие,  
Ишше все же хресьянушка прожитосьни!  
Кабы все у нас во городи поженѣны,

А и красны-ти девушки взамуж повиданы —  
А един-то Владимир я холост живу,  
Я холост-де живу, нежонат слыву.  
А не знает ле из вас хто мне супружницы,  
А не знает ле из вас хто мне полюбовницы:  
А статным-де статна была, умом сверсна,  
А умом-де сверсна была, полна возраста,  
А лицём-де бела — быв как белой снег,  
А у ей ясны-ти очи — как у сокола,  
А у ей черны-ти брови — как два соболя,  
А ресницьки у ей — у сиза бобра,  
А походицька была штобы повінная,  
Тиха-смирная рець была лебедінная,  
А ишше можно бы назвать кого кнегиною,  
А ишше можно кому бы покорятисе,  
Ишше было бы кому поклонятисе?»  
Ой, большой-от хороницьсе за середнего,  
А средней-эт хороницьсе за меньшого,  
А от меншого, браццы, там ответу нет.  
А говорыл князь Владимир по второй након.  
Из-«з»а того из-за стола было за окольнёго,  
Из-«з»а той за скамеецьки белодубовой  
Выставал-де удаленькой доброй молодець,  
А кабы на имя Добрынюшка Микитиць млад.  
Как ставаёт Добрыня на резвы ноги,  
Говорыт-то Добрыня таковы слова:  
«Уж ты солнышко Владимир стольне-киевской!  
А-й Вы позвольте-ко мне-ка слово сказать,  
Не позвольте меня за слово сказнить,  
За слово меня сказнить, скоро повесити!»  
Говорыт-то Владимир таковы слова:  
«Говоры-ко ты, Добрынюшка, тибе що надобно!»  
А говорыт-то Добрыня таковы слова:  
«Уж ты солнышко Владимир стольне-киевской!  
Как не в дáлечем, далéчем во чистóм поли,  
А во той во сторонушки во западной  
Ишше есь у тибя там посидельшицёк,  
Ишше есь у тибя там потюрёмшшицёк —  
А сидит во глубоком темном подгребе

За тема за дверями за железныма  
И за тема же за замками за задвижныма:  
А кабы на имя Дунай сын Ивановиць.  
А и скажут, Дунай много земель прошол,  
А и скажут, Дунай во многих городах бывал,  
А и скажут, Дунай у многих королей живал,  
А и скажут, Дунай много людей видал —  
А не знаёт ле он тебе супружницы,  
А не знаёт ле он тебе полюбовницы?»  
А ешше ети речи Владимиру прилюбилисе.  
А говорыт-то Владимир таковы слова:  
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитиць млад!  
Ты бери-ко-се золоты ключи,  
Ты поди-ко-се на конюшин двор,  
Ты бери-выбирай сибє коня доброго,  
Поежжай-ко-се ты во чисто полё,  
И во ту во сторонушку во западну,  
Отпирай-отмыкай ты глубок подгрёб,  
Ты зови-ко-се Дунаюшка на почесьён пир  
Хлеба-соли-де исть, вина с мёдом пить!»  
А ишша тут-то Добрынюшка не ослышилсэ:  
Ишша брал-де Добрыня златы ключи,  
Пошол-де Добрыня на конюшин двор,  
Он брал-де коня себе доброго,  
Он поехал, Добрыня, во чисто полё,  
Он во ту во сторонушку во западну.  
Доежжал тут Добрыня до темного подгреба,  
Отмыкал-отпирал двери железныя:  
«А ус ты здрастуй, Дунаюшко сын Иванович!  
Ишше Бог тибя, Дунаюшко, помиловал,  
Государь тибя, Дунаюшко, пожаловал —  
А зовёт князь Владимир на почесьён пир!»  
А выходил тут Дунай из темного подгреба,  
Выходил тут Дунаюшко на белой свет.  
А сядилисе ребятушка на одного коня,  
А приехали ребятушка в стольне Киев-град,  
Заежжали ко князю на широкой двор,  
Заходили ко князю на красно крыльцо.  
А идёт тут Дунаюшко на красно крыльцо,

А заходил во грьдню княженевскую —  
Он ступаёт в грьдню ногой правою,  
Он и крест-от кладёт по-писаному,  
А он поклон-от ведёт по-учоному  
А он на все на четыре кругом стороны.  
Он князю Владимиру челом-де бьёт,  
Он челом-де бьёт, низко кланеецсэ.  
Говорит-то Владимир таковы слова:  
«Приходи-ко-се, Дунаюшко, на почесьён пир;  
Ишше Боґ тибя, Дунаюшко, помиловал,  
Государь тибя, Дунаюшко, пожаловал:  
Ишше перво те местицько подли кнезя,  
А и второе место супротив кнезя,  
А и третьё местицько — куды сам седёшь!»  
А садилсэ Дунаюшко подли кнезя.  
Подносили Дунаюшку чару зелена вина,  
Не малу, не велику — полтора ведра.  
А прымаицьсэ за чару Дунайко единой рукой,  
Выпиваёт он чарочку к едину духу.  
А подносили Дунаюшку чару по второй-де раз.  
А он прималса за чарочку единой рукой,  
Выпивал-де он чару к едину духу.  
Подносили-де чарочку по третей раз.  
Выпивал Дунай чарочку к едину духу.  
А да и стал тут Дунаюшко поговаривать:  
«А ишше первой-то цярой я окатил серьцё,  
Ишше второй-то цярой я звеселил серцо,  
Ишше третьей-то чарой я опохмелилсэ!»  
Говорыт князь Владимир таковы слова:  
«Уж ты, тихие Дунай сын Ивановиць!  
Да и скажут, Дунай, ты много земель прошол,  
Да и скажут, Дунай, ты во многих городах бывал,  
А да и скажут, Дунай, у многих королей живал,  
Да и скажут, Дунай, ты много людей видал —  
А не знаешь ле ты где мне супружницы,  
А не знаешь ле ты мне-ка любовницы:  
А статным-де статна была, умом сверсна,  
А умом-де сверсна была, полного возраста,  
А лицём-де бела — быв как белой снег,

У ей ясны-ти очи — как у сокола,  
У ей черны-ти брови — как два соболя,  
А ресницьки у ей были — у сиза бобра,  
А походоцька была штобы повинная,  
Тиха-смирная рець была лебедінная,  
Ишше можно бы назвать кого кнегиною,  
Ишше можно бы кому было покорятисе,  
А ишше было бы кому поклонятисе?»  
Говорыт тут Дунай сын Иванович:  
«А ишше есь у короля ляховинского,  
Ишше есь дочь Опраксия-королевисьня.  
А лицём она бела — быв как белой снег,  
А умом-де сверсна, полного возраста,  
А у ей ясны очи — как у сокола,  
Ишше черные брови — как два соболя,  
И ресницьки у ей — у сиза бобра!»  
А ишше эти же речи Владимиру прилюбилисе.  
Говорыт-то Владимир таковы слова:  
«Уж ты, тихие Дунай сын Ивановичь!  
Силы-армие бери, тебе сколько надобно  
Золотой казны бери, тебе сколько надобно, —  
Поежжай-ко-сь ко городу ко Ляхову  
Ко тому королю ко ляховинскому,  
Доставай-ко кнегинушку Опраксию!»  
А говорыт тут Дунай сын Ивановичь:  
«Уж ты солнышко Владимир стольне-киевской!  
А не надобно твоя мне-ка золота казна,  
И не надо твоя сила-армея!  
Только дай мне два брателка названных:  
Мне стары казака Илью Муромца,  
Во вторых-де Добрынюшку Мекитица».  
А тут седлали-уздали коней добрых:  
И накладывали уздиценьки тесмянныя,  
И накладывали седёлышка черкальские,  
А вязали подпруги шолку белого,  
Ишше белого шолку шамахинского,  
А тринаццату подпругу — через хребетну кость:  
«Нам не ради басы — ради крепости,  
А нам ради опоры боғатырьского,

А ради поезки молодецкое!»  
Только видели молоццэй — на коня скóчили,  
А не видели поезки боғатырьское;  
Только видели: в поли курева стоит.  
Они здраво-де едут поля чистые,  
Они здраво-де едут реки быстрыя —  
А доехали до города до Ляхова.  
А говорыт тут Дунай сын Иванович:  
Уж вы ой еси, два брателка названные!  
Оставайтесь-ко здесь вы по-зá городу,  
Я поеду к королю ко ляховинскому.  
Он добром-де дас<т> — дак я добром возьму,  
А добром-де не даст — дак мы лихом возьмём!  
Уж я свисну свисток вам погрóбьце же —  
Вы секите тотаровей поганых,  
Вы со старого секите до малого,  
На оставлейте тотарину на семена!»  
А поехал Дунаюшко к королю ляховинскому.  
А он доехал до грьдъни королевское —  
А оставляёт коня не приказана,  
Не приказана коня, не привязана.  
А пошол-де Дунаюшко на красно крыльцо  
И заходил во грьдъню королевскую —  
Он ступаёт во грьдъню ногой правою,  
Он крест-от кладёт по-писаному,  
Он поклон-от ведёт по-учоному:  
«Уж ты здрастуй, король ляховинское!»  
Говорыт тут король таковы слова:  
«Уж ты здрастуй, Дунай сын Иванович!  
Ишше жить ты пришол ко мне по-старому,  
А и служить ты пришол ко мне по-старому?»  
Говорит-то Дунаюшко сын Иванович:  
«А я не жить к тебе пришол, не служить пришол,  
А приехал за Праксеей-королевисьней —  
А за нашего князя за Владимира!  
Ты добром-де дашь — дак мы добром возьмём,  
А добром ты не дашь — дак мы лихом возьмём,  
Ишше силой возьмём мы боғатырьское,  
А грозою увезём мы княжоневское!»

Говорыт тут король ляховинское:  
«Я не дам вам дочери Апраксеи  
И за вашего князя за Владимира,  
За того же за конюха последнего!»  
Тут выходит Дунаюшко на красно крыльцо,  
А ишше свиснул Дунаюшко покрепце же.  
А услышали два братилка названные,  
А заежжали во город во Ляхов же —  
Они секли-рубилы тотаровей,  
И со старого секли до малого.  
А стало жалко королю ляховинскому,  
А он пошол-де-ка к дочери Апраксеи:  
«А уж ты скоро срежайсе, скорее того  
Умывайсе водой свежо-ключавое!»  
Тут заплакала Апраксея-каралевисьна;  
Она скоро сряжалась, скорее того  
Умывалась водой свежо-ключавое,  
Утиралась полотенцем полотненым.  
А садил-де Дунаюшко он к себе на коня.  
Они тут с королём распростилисе,  
А поехали из города из Ляхова.  
Они здраво-де едут поля чистыя —  
А наехали на ископыт лошадинную.  
А на ископыты подпись была подписана,  
А подписано было со-й угрозою:  
«А хто сзади поедёт — дак живому не быть».  
А загорело у Дунаюшка ретиво серцо,  
А закипела во Дунае кровь горячая,  
Росходилисе его могучи плеча —  
А говорыт он своим брателкам названным:  
«Вы везите-ко Опраксею-королевисьню,  
Ишше сдайте-ко князю Владимиру!»  
Посадили к Добрынюшку Микитицу,  
А поехали братья они в красен Киев-град.  
А поехал Дунаюшко по ископыты —  
Он завидял во поле поленицю.  
А увидала полениця Дуная,  
А натегивала она тугой лук,  
А-й клала-де стрелочку каленую —

Она стрелила в Дуная сына Ивановича:  
А попала Дунаюшко во правой глаз.  
Тут стреляёт Дунаюшко Ивановиць —  
Он вышиб поленицу из седёлышка.  
А подъезжал он к поленицы приудалое,  
Слезывал-де Дунаюшко со добра коня,  
А он признал Настасию-королевисьню.  
Он брал ей за белые руки,  
Становил он на резвые ноги,  
Он и сам говорил таковы слова:  
«Уж мы были во городи у вас во Ляхови,  
Уж были у короля у твоёго батюшка,  
Увезли сёстру-королевисьню —  
А за нашего князя за Владимира!»  
А говорыт Настасия-королевисьня:  
«А была бы я дома у батюшка —  
А не дала бы сёстры вам, королевисьны!»  
А говорыт тут Дунаюшко сын Ивановиць:  
«Уж ты ой еси, Настасья-королевисьня!  
Мы поедём с тобой в красен Киев-град  
А и ко нашему князю ко Владимиру!»  
А-й на это Настасья согласиласе:  
А сядились они на добрых коней,  
А поехали о[а]ни в красен Киев-град,  
Приезжали они в красен Киев град —  
А у князя Владимира почесьён пир,  
А почесьён пир-де нонь свадебной.  
А заходил, Дунаюшко, на почесьён пир  
Он с той же Настасьей-королевисьней.  
Да и тут-то, Дунаюшко, он подвыпил же,  
Он с той же Настасьей-королевисьней.  
Говорыт та Настасья таковы слова:  
«А я не много жила — я много видяла:  
А стары-то казак тибе сильне будёт,  
А стрелять-то тебя я горазне буду!»  
Ишше это Дунаюшко не пондравилось.  
А говорыл тут Дунаюшко таковы слова:  
«Уж ты ой еси, Настасья-королевисьня!  
А и поедём-ко мы с тобой во чисто полё,



А поправдаимсе мы с тобой по меточкам!»  
Как сажидисе с Настасьей на добрых коней,  
И поехали они во чисто полё.  
И кладёт же Дунаюшко он злачён перстень,  
Кладёт же Дунаюшко на буйну главу.  
А как стрелила Настасья-королевисьня —  
А разлетелса злачен перстень он надвоё.  
Как кладёт же Настасья перстень к себе на главу.  
Тут стреляет Дунаюшко сын Ивановиць:  
А он первой раз стрéлил — перестрелил;  
А он второй раз стрелил — не дострелил;  
А он третьей раз прямо метит во белы груди.  
Тут змолиласе Настасья-королевисьня:  
«Уж ты тихие Дунай сын Ивановиць!  
Ты прости меня, бабу глупую:  
Ишше женьски-ти волосы долги же,  
А и ум-то у женьшшины короткой же;  
Ишше есь у мя в утробы младень же —  
И засеян тобой же!»  
Ишше этому Дунаюшко не поваровал,  
Он стрелил прямо во белы груди —  
И застрелил Настасию-королевисьню.  
Тут и падала Настасья на сыру землю.  
Вынимал же Дунаюшко цинжалой нож,  
Он порол-де у Настасьи белы груди,  
Он вынял из утроба младеня.  
На лобу-то младеня подпись подписана:  
«Ишше сильней-могучей был богатырь».  
А ишше это Дунаюшку ведь жалко стало:  
Оворацивал копьё он вострым коньцём —  
А и сам на копьё закололса же!  
Говорыл-де Дунай таковы слова:  
«Протеки от меня, тихие Дунай-река,  
От жоны от моей — кры[у]тые берега!..»

*(Зап. А. Д. Григорьевым 16 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Тяросова Василия Яковлевича, 55 лет.)*

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.